

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА
И УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Э. Л. Сидоренко,
М. А. Карабут

ЧАСТНЫЕ НАЧАЛА
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Юридический центр

Теория и практика уголовного права и уголовного процесса

Элина Сидоренко

Частные начала в уголовном праве

«Юридический центр»

2007

Сидоренко Э. Л.

Частные начала в уголовном праве / Э. Л. Сидоренко —
«Юридический центр», 2007 — (Теория и практика уголовного
права и уголовного процесса)

Настоящее исследование посвящено проблеме совершенствования уголовного законодательства и практики его применения в части расширения частного усмотрения при решении уголовно-правовых вопросов, а равно созданию важных методологических предпосылок для системных исследований всего комплекса вопросов о соотношении диспозитивных и императивных начал в современном праве России. В работе рассматривается комплекс теоретических вопросов, связанных с реализацией частного интереса в отечественном уголовном законодательстве. Особое внимание уделено проблеме согласия пострадавшего в уголовном праве; выявлены особенности правовой оценки деяний, обусловленных волеизъявлением жертвы. В рамках рассмотрения институтов, расширяющих частные начала в уголовном праве России, дан подробный анализ примирения с потерпевшим и уголовного преследования по делам частного обвинения.

© Сидоренко Э. Л., 2007

© Юридический центр, 2007

Содержание

Предисловие	6
Глава I	7
1.1. Частные и публичные интересы в уголовном праве	7
1.2. Понятие диспозитивных (частных) начал уголовно- правового регулирования	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Элина Леонидовна Сидоренко, Максим Алексеевич Карабут

Частные начала в уголовном праве

Редакционная коллегия серии «Теория и практика уголовного права и уголовного процесса»

А. И. Бойцов (отв. ред.), Н. И. Мацнев (отв. ред.), Б. В. Волженкин, Ю. Н. Волков, Ю. В. Голик, И. Э. Звечаровский, В. С. Комиссаров, В. П. Коняхин, А. И. Коробеев, Л. Л. Кругликов, С. Ф. Милуков, М. Г. Миненок, А. Н. Попов, М. Н. Становский, А. П. Стуканов, А. Н. Тарбагаев, А. В. Федоров, А. А. Эксархопуло

Рецензенты:

Э. Ф. Побегайло, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН Ю. Е. Пудовочкин, доктор юридических наук, доцент

Авторы:

Сидоренко Э. Л., канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права Ставропольского государственного университета (введение, главы I, III, заключение); Карабут М. А., канд. юрид. наук (глава II)

Предисловие

В условиях изменения социально-политической ситуации в стране и ориентации общества на построение правового государства большое значение приобретает проблема соотношения частных и публичных интересов в праве вообще и уголовном праве в частности. Провозглашенная в Конституции РФ высшая ценность свобод личности поставила под сомнение исключительно публичный характер уголовного права, особенно в свете защиты и обеспечения прав и законных интересов потерпевшего от преступления.

В советский период правовая система в России выступала как основа политического режима, а не институт разрешения конфликтов в обществе. Провозглашался принцип приоритетной охраны публичных интересов, и подавлялось любое проявление частного усмотрения в основополагающих институтах уголовного законодательства. Интересы потерпевшего при этом практически игнорировались, а исследование проблемы частных начал в уголовном праве признавалось несостоятельным. Как результат, до настоящего времени в России не сложилось сколько-нибудь серьезное понимание проблемы реализации частных (диспозитивных) начал в правовом регулировании.

В сфере уголовно-правовой охраны положения о правах человека в большей мере носят декларативный характер и не имеют реальных механизмов обеспечения. Реализация публичных начал уголовного права в настоящее время приводит к отказу от учета волеизъявления потерпевшего при решении вопроса о преступности и наказуемости деяний, посягающих на его частные права. По-прежнему личность жертвы преступления исключается из сферы уголовно-правового регулирования, а отсутствие эффективного механизма обеспечения частных интересов потерпевших нередко приводит к нарушению уголовно-правовых принципов законности и справедливости.

В настоящее время в решении проблемы реализации частных интересов в уголовном праве уже намечены определенные результаты. Однако предпринимаемых шагов явно недостаточно. Законодательная и правоприменительная деятельность требуют выработки научно обоснованного механизма реализации прав личности в сфере уголовного права. Отсутствие целостной теоретической и нормативной программы учета частного интереса при решении вопросов о преступности и наказуемости деяний обуславливает необходимость разработки единой концепции частных начал в уголовно-правовом регулировании.

В работе предпринята попытка комплексно проанализировать эту проблему и сформулировать на основе проведенного анализа предложения по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения. В книге определяются содержание и соотношение частных и публичных интересов в праве, рассматриваются основные направления и проблемы развития частных начал в уголовном законодательстве, исследуется институт «согласие пострадавшего», вносятся и обосновываются предложения по совершенствованию уголовного закона и практики его применения в рамках реализации частных начал в праве.

Положения и выводы настоящего исследования могут оказаться полезны в законодательной и правоприменительной деятельности. Они обозначают перспективное направление в изучении уголовно-правового значения частного интереса при решении вопросов о преступности и наказуемости деяний. Надеемся, полезными в правоприменительной деятельности окажутся рекомендации по дифференциации уголовной ответственности с учетом волеизъявления потерпевшего.

Нами проанализированы только основные проблемы реализации частного интереса в современном уголовном праве. Положения и выводы работы отражают авторскую позицию. Они не бесспорны, и потому мы будем благодарны и признательны Вам за конструктивную критику.

Глава I

Частные начала в уголовном праве: теоретический и сравнительно-правовой анализ

1.1. Частные и публичные интересы в уголовном праве

Значение категории интереса в уголовном праве трудно переоценить. Интерес лежит в основе уголовной политики государства и определяет основные направления ее развития, что не препятствует, однако, выделению публичных и частных интересов. На протяжении длительного времени было принято считать, что уголовное право – исключительно публичная отрасль права, и частные интересы как объект правовой охраны ей не присущи. Как отмечалось в советской научной литературе, «в условиях социалистического государства интересы общества, служащего интересам народа, и права (интересы) отдельной личности столь полно, органично и адекватно сливаются с интересами государства и общества, что в принципе нет и не может быть никакой существенной разницы, а тем более антагонистических противоречий между частными интересами отдельного индивида и публичными интересами государства и общества»¹. Подобная позиция среди ученых-криминалистов распространена и по сей день.

Социально-экономические изменения в стране, принятие Конституции РФ, провозгласившей основные права и свободы личности, и многие другие факторы обнажили проблему положения личности в правовой системе, ее места и роли в регулятивных и охранительных правоотношениях.

Частный интерес личности, являясь, несомненно, правовой категорией, начинает постепенно находить свое отражение в УК РФ посредством расширения в нем диспозитивных начал. На современном этапе есть все основания говорить, что «индивидуалистическая концепция прав человека, положенная в основу Основного закона, которая зиждется на признании исключительной роли отдельного человека – как высшей социальной ценности и абсолютности его прав и свобод, производности полномочий и власти государства от прав гражданина, объективно требует пересмотра, переосмысления всей конструкции права и правовых отношений в соответствии с международно-правовыми стандартами и теми гуманными обязательствами, которые взяла на себя Россия, вступая в Совет Европы и признавая общепризнанные нормы и принципы международного права в качестве неотъемлемой составляющей своей правовой системы»².

К сожалению, процесс учета частного интереса в уголовном праве России осуществляется не всегда последовательно, что во многом обусловливается недостаточной научной разработкой признаков частных и публичных интересов в праве вообще и уголовном праве в частности³.

Следует оговориться, что в настоящей работе не ставится цель принципиального решения вопроса о соотношении частных и публичных интересов в уголовном праве. Вместе с тем,

¹ Бейсейнов Б. С., Сабикенов С. Н. Категория интереса в праве // Сов. государство и право. 1971. № 12. С. 10.

² Ковтун Н. Н. «Частная жизнь» и «частный интерес» гражданина как категория уголовно-процессуального права. <http://konstantin-palace.spb.ru>

³ Следует оговориться, что разграничение публичных и частных начал в сфере уголовно-правового регулирования требует особой осторожности: эффективное и действенное законодательство должно быть не только регулятором общественных отношений, но и легитимизатором существующей социальной практики в сфере охраны интересов личности, общества и государства.

определение отправных позиций при исследовании пределов уголовно-правовой охраны личных благ и свобод обуславливает необходимость рассмотрения следующих вопросов:

- 1) рассмотрение понятия «интерес в праве»;
- 2) осмысление проблемы соотношения частных и публичных интересов;
- 3) выявление и анализ их признаков;
- 4) определение границ допустимости учета частного интереса в уголовном законодательстве России.

Подробно рассмотрим каждый из них.

1. В русском языке под словом «интерес» понимается «особое внимание к чему-нибудь, желание вникнуть в суть, узнать, понять; занимательность, значительность; выгода»⁴. Философия определяет данное понятие как «причину действий индивидов, социальных общностей (класса, нации, профессиональной группы), определяющую их социальное поведение»⁵, а психология, напротив, рассматривает интерес как «исключительно субъективную категорию, явление человеческого сознания, как сосредоточенность на определенном предмете мыслей, вызывающую стремление быстрее познакомиться с ним, глубже в него вникнуть, не упускать его из поля зрения»⁶. С точки зрения социологии, интерес – это «объективное отношение социальных субъектов к явлениям и предметам окружающей действительности, обусловленное положением этих субъектов и включающее в себя их объективно существующие социальные потребности, пути и средства их удовлетворения»⁷.

Специфично правовое понимание интереса. В отечественной юридической науке существует три основных подхода к определению данного понятия:

- 1) интерес как продукт сознательной деятельности человека⁸;
- 2) интерес как объективно-субъективное правовое явление⁹;
- 3) интерес как объективная категория¹⁰ (объективный характер обуславливается тем, что интересы формируются существенными общественными отношениями и всецело определяются внешними по отношению к субъекту условиями).

Первая из перечисленных выше позиций вызывает существенные возражения. Признавая, что интерес в основе своей имеет субъективную природу, трудно согласиться с тем, что именно она определяет место интереса в праве. Интерес как субъективное явление по определению не может быть объектом правовой охраны. В сознании человека отражаются лишь объективно существующие интересы, при этом степень их осознанности напрямую зависит от уровня правовой культуры личности.

Небесспорна и вторая точка зрения. По нашему мнению, ни с теоретической, ни с практической позиции не оправдано объединение объективных и субъективных интересов в единую правовую категорию. Объективные интересы существуют независимо от их осознания, а субъективные, напротив, являются результатом сознательного процесса. В этой связи понимание интереса как объективно-субъективного приводит к логическому противоречию. Более того, интерес, будучи элементом права, является продуктом объективно существующих общественных отношений, что полностью исключает его субъективный характер. Сомнительно также определение правовой природы интереса через потребности личности. По мнению И. Е. Сен-

⁴ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 244.

⁵ Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. М., 1987. С. 168.

⁶ См.: Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 2002. С. 525.

⁷ Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986. С. 75.

⁸ Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия. Теоретические вопросы субъективного права. Саратов, 1972. С. 210.

⁹ Малько А. В. Законные интересы советских граждан: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1985. С. 5.

¹⁰ См.: Мальцев Г. В. Соотношение субъективных прав, обязанностей и интересов советских граждан // Сов. государство и право. 1965. № 10. С. 20; Михайлов С. В. Категория интереса в российском гражданском праве. М., 2002. С. 23; Экимов А. И. Интересы и право в социалистическом обществе. М., 1984. С. 6.

никова, «удовлетворение вполне природных по своей сути потребностей в человеческом обществе с достаточно развитой социальной структурой становится невозможным без вступления человека в общественные отношения, которые, в свою очередь, регулируются правом и превращают потребности в интересы»¹¹. Данную позицию сложно признать справедливой. Потребностью является все то, в чем нуждается человек как член общества и биологическое существо, а интересы есть результат взаимодействия различных потребностей. Однако констатация данного факта еще не дает оснований для отождествления потребности и интереса. Суть различий между этими понятиями сводится к следующему: потребность отражает нужды субъекта, а интерес – меры (способы) их удовлетворения.

Более обоснованным и целесообразным видится рассмотрение интереса как объективной категории. На наш взгляд, интерес в праве необходимо рассматривать как социальный инструмент, способствующий закреплению и позитивному изменению социального положения типового субъекта общественных отношений. Что же касается интереса как явления сознания, то он представляет собой лишь отношение конкретного субъекта к путям и способам достижения и упрочения собственного социального положения, но только в тех рамках, которые определены объективным интересом.

2. В зависимости от основания дифференциации частных и публичных интересов в праве сложились следующие концепции их разграничения:

1) теория охраняемых интересов. Ее суть сводится к тому, что публичное право относится к положению государства, а частное – к пользе отдельных лиц. Отсюда: публичные интересы принадлежат исключительно государству, а частные – индивидам.

Несмотря на кажущуюся стройность и логичность построения, данная классификация не выдерживает испытания практикой. В частности, сложно представить объективное существование государственных интересов. Последние предполагают наличие конкретного носителя прав, а государство есть не что иное, как общность людей. Следовательно, интерес государства – это интегрированный интерес частных лиц. С другой стороны, «если подходить к публичным интересам как потребностям, имеющим значительное общественное значение, придется в отдельных случаях признавать публичными интересы отдельного лица (например, монарха)»¹²;

2) телеологическая теория. Сторонники данной концепции различают частные и публичные интересы по их целям. В частности, Савиньи отмечал, что в публичном интересе целое является целью, а отдельный человек занимает второстепенное положение. Напротив, в частном праве отдельный человек является целью, а целое (государство) – средством¹³.

Эта теория представляется нам неудовлетворительной хотя бы по той причине, что в основе существующей системы права лежит триединство: личность, общество и государство. Применительно к телеологической концепции сложности вызывает определение правового статуса общества. Более того, противоречивость этой теории со всей очевидностью проявляет себя в двух ситуациях: когда государство вступает в гражданско-правовые отношения (например, договор контрактации), а личность – в уголовно-правовые отношения (выражение согласия лица на причинение вреда собственным интересам или институт примирения с потерпевшим);

3) естественная теория в качестве критерия классификации частных публичных интересов рассматривает положение субъекта. Например, Пухта различал права по тому, имеет ли их человек как отдельное единичное лицо, как индивид или как член органического единства. Публичными он считал те права, которые не могут существовать вне организованного един-

¹¹ Сеишиков И. Е. Законный интерес как форма выражения правовых возможностей (дозволений) и объект судебно-правовой защиты // Право: теория и практика. <http://www.usblaw.ru>.

¹² Алексеев С. С. Частное право: научно-публицистический очерк. М., 1999. С. 64.

¹³ Еллинек Г. Социально-этическое значение права, неправды и наказания / Пер. И. И. Власова. М., 1910. С. 84.

ства, а частными – те, которые предполагают просто сосуществование, коэкзистенцию людей¹⁴. В данном утверждении содержится ряд противоречий. Во-первых, невозможно представить себе состояние, когда люди сосуществуют друг с другом, но не вступают в общение. Существование общества уже само по себе предполагает наличие социальных связей между его членами. Только в этом случае существует право. А во-вторых, важный недостаток этой классификации заключается в том, что если ее проводить последовательно, в рамках публичного права, придется рассматривать отношения между членами всякого вообще союза, например, товарищества, акционерной компании, семьи, что «выбивается» из общего представления о частных и публичных интересах¹⁵;

4) теория юридического дерзновения и юридической возможности. Согласно ее постулатам, в частном праве всегда имеется дерзновение, а в публичном – возможность. При этом сторонники данной теории подчеркивают, что «публичные права основываются не на дозволительных, а исключительно на власть предоставляющих правоположениях. Поэтому они представляют собой не часть естественной, правом только регулируемой свободы, а расширение прав естественной свободы»¹⁶.

Данная типология, на наш взгляд, также не раскрывает принципиальных различий между частными и публичными интересами. Прежде всего, использование условных и оценочных по характеру категорий – «дерзновение» и «возможность» – не позволяет обнаружить очевидного различия между ними, особенно принимая во внимание тот факт, что они различаются не содержанием субъективных прав, а правовой спецификой последствий правонарушения. Более того, исходя из общеметодологических позиций, юридическое дерзновение всегда предполагает определенную юридическую возможность, а последняя – крайне редко существует без первого;

5) согласно другой теории, основное различие частных и публичных интересов состоит в характере последствий их нарушения. В частности, сторонники этой концепции полагают, что если нарушение права влечет за собой установление для субъекта нарушенного права притязания на возмещение причиненного ему ущерба – это частное право. Если, напротив, нарушение права влечет за собой только принятие известных мер со стороны общественной власти – это право публичное.

Несмотря на то обстоятельство, что эта теория нашла много последователей среди отечественных ученых, она не лишена ряда методологических и правовых недостатков. Рассматривая данное учение применительно к сфере уголовно-правового регулирования, следует заметить, что, во-первых, уголовному праву известны случаи, когда нарушение частных интересов лица влечет принудительные меры со стороны государственной власти, и инициатива потерпевшего в таких случаях направлена не на самостоятельную защиту своего интереса, а на привлечение государства к его обеспечению. Тем более что право возбуждения уголовного преследования в частном порядке и воздействие общественной власти в уголовном праве и процессе отнюдь не исключают друг друга. Во-вторых, специфика частных и публичных интересов проявляется не только при их нарушении. Именно по этой причине брать за основу классификации данное обстоятельство представляется логически неверным;

6) следующую концепцию с большой долей условности можно обозначить как теорию приспособления объекта. Ее сторонник Н. М. Коркунов полагал, что «все характерологические особенности частных и публичных интересов вполне объясняются различием поделения объекта и его приспособления. Наиболее характерные особенности частных и публичных прав

¹⁴ Цит. по: Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. Кн. 2. Объективная и субъективная сторона права. СПб., 1914. С. 33.

¹⁵ Там же. С. 39.

¹⁶ Там же.

выражаются в порядке приобретения тех или иных прав, в способах их потери, в различии содержания само—¹⁷ го права и в соотношении права и обязанности»¹⁸. По мнению ученого «права частные приобретаются в силу такого обстоятельства, которое имеет индивидуальный характер, относится непосредственно и исключительно к данному отдельному лицу, и такой порядок приобретения, конечно, вполне необходим при поделении объекта в частное обладание»¹⁹.

С данным утверждением также сложно согласиться. Ранее нами отмечалось, что признание интереса частным вовсе не означает, что он лишен объективного характера и находится в сфере сознания индивида. По нашему мнению, частный интерес в праве вообще и уголовном праве в частности есть не что иное, как объективно существующая для определенного круга субъектов, обладающих типовыми социальными свойствами, дозволенность пользоваться и распоряжаться конкретным благом, а равно обеспеченность этой возможности государством и обществом. Что же касается интересов, принадлежащих определенному лицу, то их, по нашему мнению, следует рассматривать в иной плоскости – как конкретное средство осуществления объективно существующего частного интереса.

3. При раскрытии собственного видения проблемы соотношения публичных и частных интересов в уголовном праве заострим основное внимание на их признаках.

Анализ этимологии слова «частный» позволяет предположить, что частные отношения – это внутренние отношения между отдельными лицами, представленные всей совокупностью социальных связей, имеющих внутреннюю, а не внешнюю сущность. В действительности же, право, обладая качествами нормативности и гарантированности со стороны публичной власти, всегда представляет собой публичный инструмент, который «если и опосредует позитивные частные отношения, то только постольку и в той их части, поскольку и в которой они имеют некий выход на общественный уровень»²⁰. Признавая право, равно как и интерес, объективным по содержанию, следует вместе с тем признать, что дуализм интересов объективному праву не присущ. Как справедливо отмечает В. В. Ровный, «дуализма права не существует в чистом виде, он лишь выполняет функцию “лакмусовой бумажки”, сигнализируя о характере различной среды на различных участках объективного права и окрашивая все его элементы от норм до отраслей в те или иные промежуточные цвета на всей протяженности между двумя идеальными точками – частного и публичного»²¹.

Частные и публичные интересы в уголовном праве России не являются исключением. Признавая за традиционной, но, вместе с тем, крайне условной классификацией интересов несомненное философско-познавательное, историко-культурное и правовое значение, считаем целесообразным выделить их признаки только с учетом следующих обстоятельств:

1) природа частных и публичных интересов в уголовном праве неоднородна. Свидетельство тому – свобода человека как личное неотъемлемое благо. Согласно Конституции РФ лицо может свободно распоряжаться своей свободой, в том числе отчуждать ее (например, соглашаясь на действия, объективно схожие с похищением). Однако применительно к случаям использования рабского труда или торговли людьми, возможность распоряжения свободой нивелируется публичными интересами по борьбе с различными формами эксплуатации человека;

2) граница между сферами частного и публичного интереса подвижна и определяется законодателем. Недостатком ныне действующего УК РФ, на наш взгляд, является то, что он, фактически признавая наличие частных интересов в уголовном праве, формально не очерчи-

¹⁷ См.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. СПб., 1996. Т. 1. С. 112.

¹⁸ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. Кн. 2. Объективная и субъективная сторона права. СПб., 1914. С. 70.

¹⁹ Там же. С. 71.

²⁰ Ровный В. В. О проблеме дуализма в праве // Сибирский юридический вестник. 1999. № 1. С. 13.

²¹ Там же. С. 17.

вает их границы в правовом регулировании. Выделение в раздел VII УК РФ преступлений против личности не является ориентиром в определении объема частных интересов в уголовном праве, поскольку, с одной стороны, ряд благ, непосредственно связанных с личностью, находится в сфере публичных интересов (например, право на жизнь), а, с другой, некоторые частные права содержатся в иных разделах УК РФ. Скажем, охрана права собственности, которое является частным имущественным правом, регламентируется в рамках раздела VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики».

В соответствии с изложенным выше, считаем целесообразным выделить следующих признаков публичных интересов в уголовном праве:

- они лишены индивидуалистического наполнения и отражают реалии развития общества и государства;
- они носят исключительно объективный характер;
- действия субъектов осуществляются строго в рамках предписаний закона, отступление от которых недопустимо;
- деятельность субъектов определяется чужим интересом;
- установление пределов реализации интересов одной стороны определяется через объем обязанностей другой.

Признавая наличие в сфере уголовного права частных интересов, позволим себе определить последние как возможность физических и юридических лиц распоряжаться принадлежащими им благами и участвовать в уголовно-правовой оценке случаев посягательства на эти блага. Полагаем, что частные интересы в уголовном праве обладают следующими отличительными чертами:

- они осуществляются посредством специфических методов регулирования. Частноправовое регулирование (в том числе в рамках уголовного права) характеризуется преобладанием такого способа, как координация (метод дозволения);

- субъекты (физические и юридические лица) действуют в собственных интересах. Данный признак, однако, не следует рассматривать как безусловный. М. М. Агарков по этому поводу обоснованно замечает: «Частное право есть право лично-свободное. Оно не должно непременно осуществляться в интересе самого субъекта, поскольку может осуществляться ради каких угодно интересов, для достижения каких угодно целей, в том числе и во имя общественного долга»²². Отсюда: отчуждение гражданами их прав во имя общественно полезных целей (например, проведения эксперимента в рамках уголовно-правового института обоснованного риска) не исключает частного характера их интересов;

- свобода действий субъектов определяется их собственной волей. Только сам индивид волен выбирать, как, когда и в какой мере реализовывать свое частное право;

- недопустимость произвольного установления пределов реализации частных интересов субъекта. Применительно к данному признаку целесообразно говорить о такой категории, как «законный интерес». Под ним следует понимать отраженное в объективном праве и в определенной степени гарантированное простое юридическое дозволение, выражающееся в стремлении субъекта пользоваться конкретным социальным благом, а также в некоторых случаях обращаться за защитой к компетентным органам в целях удовлетворения своих потребностей, не противоречащих общественным и государственным интересам.

На основании всего вышеизложенного можно заключить, что частный интерес в уголовном праве – это социальная категория, допустимая правом возможность физических и юридических лиц распоряжаться принадлежащими им благами и на основе метода дозволения участвовать в уголовно-правовой оценке случаев посягательства на эти блага посредством выражения своей воли.

²² Агарков М. М. Ценность частного права // Правоведение. 1992. № 2. С. 46.

4. Не претендуя на полноту перечня частных интересов²³ в уголовном праве, обозначим основные из них.

– *Здоровье человека как личное неимущественное благо.*

Обращаясь к области уголовно-правового регулирования, следует отметить, что безусловное признание здоровья человека его личным неимущественным благом не является, тем не менее, достаточным основанием для того, чтобы позволить человеку беспрепятственно отчуждать его даже в собственных интересах.

Границы допустимого согласия лица на причинение вреда его здоровью, к сожалению, четко в УК РФ не определены. Однако на практике этот вопрос решается посредством выделения ст. 115 УК РФ «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» и ст. 116 УК РФ «Побои» в категорию дел частного обвинения. В настоящее время здоровье человека можно лишь условно отнести к сфере исключительно частных интересов. Свидетельство тому – публичный характер отношений, возникающих по поводу умышленного причинения тяжкого и средней тяжести вреда здоровью. Элементы диспозитивности в части уголовно-правовой охраны здоровья проявляют себя только в тех случаях, когда уголовное преследование осуществляется в рамках частного обвинения.

– *Личная свобода.*

Согласно ст. 22 Конституции РФ данное право означает, что лицо вправе совершать любые действия, не противоречащие закону, и при этом оно не должно подвергаться ограничениям. Личная неприкосновенность предполагает недопустимость какого бы то ни было вмешательства извне в область индивидуальной жизнедеятельности личности. При этом свобода как личное право потерпевшего ограничивается в уголовном законе случаями, когда действиями виновного причиняется вред публичным интересам государства и общества. Речь, безусловно, идет о случаях совершения деяний, предусмотренных ст. 127.1 и 127.2 УК РФ.

– *Честь и достоинство личности.*

В соответствии со ст. 21 Конституции РФ ничто не может служить основанием для умащения чести и достоинства личности. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению и наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным и иным опытам.

На основании текста Основного закона РФ можно предположить, что честь и достоинство в нем рассматриваются как свойства, присущие всем членам общества, как неотъемлемые права, на которых основываются свобода, справедливость и всеобщий мир²⁴.

УК РФ, напротив, использует узкую трактовку данных терминов и понимает под ними «осознание самим человеком или окружающими факта обладания неопороченными нравственными и интеллектуальными качествами»²⁵. При этом достоинство личности определяется ее самооценкой, а честь – совокупностью объективных качеств человека, характеризующих его репутацию в обществе.

Уголовно-правовыми гарантиями достоинства и чести личности являются ст. 129 УК РФ «Клевета» и ст. 130 УК РФ «Оскорбление».

Диспозитивные начала уголовного закона проявляются при этом в двух направлениях: во-первых, согласие потерпевшего на совершение объективно унижительных действий исключает преступность совершенного виновным деяния; во-вторых, дела данной категории возбуждаются не иначе, как по заявлению потерпевшего.

– *Конституционные права человека и гражданина.*

²³ Применительно к рассматриваемым частным интересам речь, безусловно, идет об интересах потерпевшего, а не преступника. Сфера реализации частных интересов причинителя вреда всегда ограничивается рамками уголовного закона, и совершение лицом преступления уже свидетельствует о том, что он вторгся в сферу чужих прав и свобод.

²⁴ См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под общ. ред. Ю. В. Кудрявцева. М., 1996. С. 94.

²⁵ Кузнецова Н. Ф. Избранные труды. СПб., 2003. С. 169.

В зависимости от характера охраняемого блага в теории уголовного права следует выделять три группы общественно опасных деяний: посягающие на политические права и свободы человека и гражданина; посягающие на социальные права и свободы; направленные на нарушение личных прав и свобод человека и гражданина²⁶. Несмотря на безусловное признание этих прав частными, пределы правомерности распоряжения ими со стороны потерпевшего определяются характером действий причинителя вреда. Если в результате деяния, обусловленного волей жертвы, страдает не только она, но и порядок реализации конституционных прав и свобод человека, согласие потерпевшего не может рассматриваться как обстоятельство, исключающее преступность деяния. Что касается приведенной выше типологизации преступлений, то только в третьей группе деяний частный интерес потерпевшего исключает уголовную ответственность. Как справедливо отмечает А. В. Сумачев, «природа деяний, посягающих на личные права и свободы, такова: есть согласие – нет нарушения; отсутствует согласие – деяние автоматически приобретает характер преступного»²⁷.

– *Право собственности.*

Общеизвестно, что право собственности представляет собой совокупность правомочий владения, пользования и распоряжения. Отчуждение третьим лицом собственности у потерпевшего с его согласия есть, по нашему мнению, не что иное, как результат осуществления последним своего правомочия распоряжения.

Признавая перечень частных интересов в уголовном праве условным и изменчивым, целесообразно будет отметить, что в зависимости от ситуации они могут иметь различное выражение.

Чем более конкретна ситуация, тем более контрастно проявляются частные и публичные интересы. При этом в области уголовного права контраст вполне очевиден на уровне таких прав, как честь, достоинство, личные права и свободы, тогда как на уровне иных правоотношений (например, по охране здоровья) может происходить смешение частных субъективных прав с публичными).

²⁶ См., например: *Истомин А. Ф.* Особенная часть уголовного права. М., 1998. С. 119; Уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов / Под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой, Г. П. Новоселова. М., 1998. С. 147.

²⁷ *Сумачев А. В.* Публичность и диспозитивность в уголовном праве. М., 2003. С. 132.

1.2. Понятие диспозитивных (частных) начал уголовно-правового регулирования

В русском языке термин «диспозитивный» (от лат. *dispositivus* – распоряжающийся) буквально означает «допускающий выбор». Отсюда под диспозитивной нормой права понимается правовая норма, содержащая определенные диспозиции, т. е. правила поведения, которые подлежат конкретизации и уточнению по соглашению сторон регулируемых этими нормами отношений²⁸.

Диспозитивность традиционно рассматривают в трех аспектах: как *принцип, право и метод правового регулирования*.

В частности, она признается «одним из основных демократических принципов гражданско-процессуального права, означающим, что стороны и другие лица могут свободно распоряжаться своими правами»²⁹.

Придерживаясь аналогичного подхода, И. Л. Петрухин заявляет: «Диспозитивность как принцип права предоставляет гражданам возможность по собственному усмотрению распоряжаться своим материальным и процессуальным правом, не прибегая к содействию государства»³⁰.

Обобщает данную позицию А. В. Сумачев. По его мнению, диспозитивность следует рассматривать как «общий принцип правового регулирования, который определяет правовую способность частного лица самостоятельно решать вопросы о пользовании теми или иными правами в конкретной сфере правового регулирования»³¹.

Полагаем, что определение диспозитивности как принципа правового регулирования не является безусловным.

Во-первых, понимание принципа права как «основного, исходного положения»³² конкретной отрасли требует признания за ним универсального характера в определенной сфере правоотношений. Не случайно философия определяет принцип как «руководящую идею, основное правило поведения»³³. Что же касается диспозитивности, то ее сложно признать универсальной категорией, особенно в области публичного права. Здесь она не является центральным звеном правового регулирования, более того, рассматривается как исключение.

Во-вторых, универсальность и фундаментальность диспозитивности как принципа права ставит под сомнение условный характер выделения частных и публичных интересов в праве, а следовательно, и паллиативный характер публичного и диспозитивного правового регулирования.

Многие исследователи видят в диспозитивности «право лица распоряжаться гражданско-процессуальными средствами защиты. Стороны и другие участвующие в деле лица могут свободно распоряжаться своими материальными и процессуальными правами. Суд содействует им в реализации этих прав и осуществляет за законностью их распорядительных действий»³⁴. Диспозитивность нередко определяют и как «право участников договора или судебного процесса действовать по собственному усмотрению»³⁵.

²⁸ Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия / Под. ред. М. Ю. Тихомирова. М., 1998. С. 118.

²⁹ Юридический энциклопедический словарь. М., 1987. С. 107.

³⁰ Петрухин И. Л. Публичность и диспозитивность в уголовном процессе // Российская юстиция. 1999. № 3. С. 24.

³¹ Сумачев А. В. Публичность и диспозитивность в уголовном праве. М., 2003. С. 37.

³² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 585.

³³ Философский словарь / Под. ред. М. М. Розенталя. М., 1975. С. 329.

³⁴ Энциклопедический юридический словарь / Под общ. ред. В. Е. Крутских. 2-е изд. М., 1998. С. 75.

³⁵ Современный словарь иностранных слов. М., 1993. С. 206.

Этот подход не выдерживает критики по ряду оснований. Во-первых, авторы необоснованно отождествляют понятия «частный интерес» и «право». Как результат – предмет правового регулирования подменяется его механизмом.

Во-вторых, определение диспозитивности как права (возможности) свободно реализовывать свои права и обязанности не соответствует традиционному пониманию уголовно-правовых отношений ответственности. Последние хотя и предполагают оценку частного интереса потерпевшего, но не предоставляют ему абсолютной свободы в реализации своих прав. В такой ситуации частные права ограничиваются публичными интересами и охранительной функцией уголовного закона.

С особенностями метода правового регулирования связывает термин «диспози» А. Я. Курбатов. Он отмечает, что «диспозитивность следует оценивать только в рамках такого метода регулирования, как метод координации»³⁶.

По мнению Е. Л. Хильчук, «диспозитивность как метод правового регулирования выражается в нормативно предусмотренной возможности выбора поведения в зависимости от усмотрения частного лица»³⁷. Аналогичной позиции придерживаются также Н. И. Матузов³⁸, А. В. Малько³⁹, В. А. Кучинский⁴⁰, А. И. Экимов⁴¹ и др.

Думается, не следует рассматривать диспозитивности как метод правового регулирования. Понимая под ним «способ расширения частных начал в праве», мы упускаем из виду основание применения этого способа. Между тем, именно основанием и является, на наш взгляд, диспозитивность.

Интересную трактовку понятия предлагает С. С. Алексеев. Он рассматривает диспозитивность как «особую модель построения правовой материи» и отмечает: «Диспозитивное построение правового материала как одна из моделей основывается на частном праве. Ее суть – в предоставлении лицу возможности самому, своей волей определять собственное поведение, что открывает простор для действий лица по своему усмотрению, по своей воле и в своих интересах»⁴².

Однако более предпочтительным для раскрытия правовой сущности диспозитивности видится использование термина «юридический режим правового регулирования».

Под ним мы предлагаем понимать систему правового регулирования конкретного круга общественных отношений, которую характеризуют специфические средства, принципы и приемы правового воздействия.

О целесообразности использования предложенного термина для определения диспозитивности говорят следующие обстоятельства:

– понятие «юридический режим правового регулирования» позволяет объединить ранее рассмотренные аспекты диспозитивности в целостный правовой институт. Принципы, средства и способы правового регулирования только в своей совокупности обеспечивают индивидуализацию правового регулирования любого вида общественных отношений (в том числе, по реализации частных интересов);

³⁶ Курбатов А. Я. Теоретические основы сочетания публичных и частных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности // Черные дыры в российском законодательстве. 2001. №1. С. 16.

³⁷ Хильчук Е. Л. Некоторые проблемы применения диспозитивного метода в трудовом праве. Тюмень, 1999.

³⁸ Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 1999. С. 6.

³⁹ См. также: Малько А. В. Законные интересы советских граждан: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1985. С. 14.

⁴⁰ Кучинский В. А. Законные интересы личности: от Конституции к правореализующей деятельности // Теоретические возможности реализации Советской Конституции. М., 1978. С. 85.

⁴¹ Экимов А. И. Интересы и право в социалистическом обществе. М., 1984. С. 6.

⁴² Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 589.

– настоящий термин позволяет ограничивать предмет правового регулирования только теми общественными отношениями, которые допускают реализацию в уголовном праве частного интереса.

Его использование при определении частных начал уголовного права требует учета следующих обстоятельств:

– особенности общественных отношений предопределяют специфику правового регулирования. Именно по этой причине есть все основания выделять диспозитивный, или частно-правовой, режим уголовно-правового регулирования;

– характеристика диспозитивности как юридического режима уголовно-правового регулирования должна осуществляться на основании анализа норм УК РФ, расширяющих сферу частного усмотрения при оценке преступности или правомерности совершенных деяний, а равно при определении наказуемости посягательства.

В целом, диспозитивность в уголовном праве можно определить как юридический режим правового регулирования, обусловленный спецификой уголовных правоотношений в сфере реализации частных интересов потерпевшего и обладающий особыми принципами, средствами и методами правового регулирования.

Ранее уже затрагивался вопрос о принципах диспозитивности, поэтому в настоящем параграфе ограничимся только их перечислением.

Полагаем, что основными, исходными положениями частного регулирования в уголовном праве являются:

- свобода действий субъектов правоотношений;
- направленность на удовлетворение собственных интересов;
- недопустимость произвольного установления пределов реализации их прав и законных интересов.

Что же касается метода регулирования, то им, пожалуй, можно назвать прием юридической децентрализации (метод координации), основанный на ранее перечисленных принципах.

Как справедливо отмечается в литературе, «основными чертами метода децентрализации является юридическое равенство и возможность субъектов самим, своей волей определять условия своего поведения»⁴³. При этом построение правового материала на основе диспозитивного метода предполагает следующую схему: «субъективное право + юридическая гарантия».

Близко к методам примыкают средства диспозитивности, т. е. существующие в уголовном праве юридические нормы и институты, обеспечивающие реализацию частного интереса.

В целом, их можно свести к триаде: 1) институт примирения с потерпевшим; 2) уголовное преследование по делам частного обвинения и 3) согласие потерпевшего.

Следует, однако, отметить несвоевременность и определенную условность отнесения к сфере уголовного права институтов частного обвинения и согласия потерпевшего, поскольку первый регламентируется процессуальным законом (ст. 20 УПК РФ), а второй вообще не имеет нормативного закрепления. Но, с другой стороны, система диспозитивных начал в уголовном праве находится в зачаточном состоянии, и потребность в поиске наиболее приемлемых направлений ее развития оправдывает наше смелое предложение.

Представляется, что анализ диспозитивности в уголовном праве будет неполным без ее рассмотрения сквозь призму уголовных правоотношений.

Выделяют, как известно, два основных подхода к понятию «правоотношение»: общеправовой и специально-юридический.

С позиции философии отношение есть не что иное, как «момент взаимосвязи, частный случай специфического проявления всеобщей связи между явлениями объективной действи-

⁴³ Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1999. С. 202.

тельности»⁴⁴. При этом правоотношение представляет собой «самостоятельное общественное отношение, субъектов которого связывают или ставят в правовую зависимость юридические права и обязанности и которое оказывает регулирующее воздействие на поведение людей отдельно или во взаимодействии с иной общественной структурой»⁴⁵.

Иными словами, философский подход не позволяет отождествлять правоотношение и общественное отношение. Они существуют параллельно, противоборствуя по поводу осуществления варианта поведения, предлагаемого правовой нормой, или действуя в одном направлении, формируя сообща данный вариант поведения⁴⁶.

Логически продолжив размышление, можно прийти к выводу, что право вообще не регулирует общественные отношения. Оно направлено лишь на поведение людей, внедряя определенные правоотношения в различные сферы человеческой деятельности. Характерно, что право при этом не влияет на сами общественные отношения.

С этих позиций уголовно-правовое отношение следует рассматривать как лишенные структуры целесообразные отношения между субъектами (виновным, государством и потерпевшим) через предоставление им определенных прав и обязанностей.

Что же касается общественных отношений, то реализация в их рамках частных и публичных отношений не имеет никакого отношения к праву и является всего лишь продуктом исторического развития.

Очевидно, подобная интерпретация порождает ряд принципиальных вопросов о правовой природе таких понятий, как уголовная ответственность, объект преступления, уголовное наказание, институты освобождения от уголовной ответственности и наказания, а равно публичность и диспозитивность.

Специально-юридический подход к сущности уголовного правоотношения долгое время сводится к следующим тезисам⁴⁷:

- субъектами отношений могут быть лишь государство и преступник;
- содержанием выступают их публичные права и обязанности;
- юридическим фактом возникновения уголовных правоотношений является совершение преступления⁴⁸, а момент их прекращения всецело зависит от воли и усмотрения государства.

Расширение частных начал в уголовном праве вызвало необходимость переосмысления феномена уголовно-правовых отношений. Потребность в новом подходе возникла после появления в российском законодательстве институтов частного обвинения и примирения с потерпевшим, не укладывавшихся в традиционную схему возникновения и реализации уголовных правоотношений.

Согласно классическому пониманию последних, при обнаружении признаков преступления компетентные органы обязаны во всех без исключения случаях возбуждать уголовное дело. Однако по делам частного обвинения возникновение и развитие уголовных правоотношений находятся в зависимости не от публичной власти, а от усмотрения и воли частного лица.

Несколько иная ситуация имеет место при выражении согласия лица на причинение вреда собственным интересам. Хотя в настоящее время институт согласия потерпевшего не

⁴⁴ Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. М., 1987. С. 348—349.

⁴⁵ Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986. С. 82.

⁴⁶ См.: *Курбатов А. А.* Теоретические основы сочетания публичных и частных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности // *Черные дыры в российском законодательстве*. 2001. № 1. С. 19.

⁴⁷ См. подробнее: *Огурцов Н. А.* Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. Рязань, 1975.

⁴⁸ Данный подход в советской уголовно-правовой доктрине не являлся единственным. Так, о возникновении уголовно-правовых отношений в момент вступления обвинительного приговора суда говорил В. Г. Смирнов (*Функции советского уголовного права*. Л., 1965); Я. М. Брагинин, напротив, полагал, что эти отношения берут начало с момента возбуждения уголовного дела (см.: *Брагинин Я. М.* Уголовный закон и его применение. М., 1967), а Г. О. Петрова связывает их возникновение с совершением общественно опасного деяния (*Петрова Г. О.* Понятие уголовно-правового отношения. Ставрополь, 1993).

закреплен в уголовном законе, есть, тем не менее, все основания говорить о его фактическом существовании в теории и правоприменительной деятельности.

Считая целесообразным рассмотрение этого института в рамках отдельного параграфа настоящего исследования, заострим сейчас внимание только на характере правовых отношений при выражении потерпевшим согласия на умаление его прав.

Важно подчеркнуть, что использование понятий «причинение вреда» или «умаление прав потерпевшего» в таких ситуациях носит условный характер, поскольку воля субъекта на совершение действий со стороны третьих лиц есть не что иное, как реализация потерпевшим своего права позволить или не позволить им воздействовать на свои личные имущественные или неимущественные блага.

Если традиционное видение уголовного правоотношения считать единственно верным, необходимо будет признать, что правоотношение и согласие потерпевшего в уголовном праве исключают друг друга. Но и то, и другое объективно существуют.

Отсюда, не претендуя на безусловность позиции, предположим, что в сфере уголовного права существуют различные по содержанию, субъектному составу и моменту возникновения правоотношения. Помимо собственно субординационных отношений между государством и преступником по поводу совершения преступления, в сфере уголовно-правового регулирования существуют горизонтальные правоотношения между потерпевшим и преступником, потерпевшим и лицом, совершившим уголовно значимое, но не преступное деяние, между потерпевшим и государством.

Как отмечается в литературе, «институт примирения с потерпевшим и преступления “частного обвинения” заставляют по-иному переосмыслить само место потерпевшего в материальном уголовном правоотношении. Наделение его субъективным правом давать согласие на освобождение от уголовной ответственности (в материально-правовом смысле) означает не что иное, как признание за потерпевшим статуса субъекта правоотношения»⁴⁹

⁴⁹ Булгаков Д. Б. Потерпевший в уголовном праве и его криминологическая характеристика: Дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. С. 57.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.